



04.04.2014, 11:45 Нижегородская область

СТАТЬИ

## **Дело Юрия Староверова: пресловутое насилие, не опасное для жизни**

В Нижегородском районном суде Нижнего Новгорода подходит к концу судебный процесс по делу лидера местного отделения «Другой России» Юрия Староверова. 22 апреля ожидается последнее слово подсудимого. Староверов обвиняется по типичной для преследования политических активистов статье — 318 (применение насилия к представителю власти). Обвинение запросило для него четыре года колонии-поселения.

По данным следствия, Староверов на несогласованной с местными властями акции 15 сентября 2012 года напал на прапорщика ОМОН Игоря Лебедева: якобы он «реализуя свой преступный умысел, действуя умышленно и целенаправленно, (...) обхватил голову и шею Лебедева И.В. обеими руками, применяя физическое насилие, не опасное для жизни и здоровья последнего, сделав при этом не менее двух шагов, продолжая удерживать Лебедева И.В. за шею и голову. От действий

Староверова Ю. В. Лебедев И.В. испытал сильную физическую боль».

Мероприятие 15 сентября, проходившее в рамках всероссийской акции «Марш миллионов», действительно не было согласовано, хотя в других городах аналогичные акции согласовали. Администрация без объяснения причин отказала организаторам в проведении мероприятия в центре города на площади Свободы, где традиционно проводились различные массовые акции, и предложила взамен устроить акцию возле катера «Герой» на берегу Волги — как говорит местный правозащитник Станислав Дмитриевский, представляющий интересы Староверова в суде, «это место, где людей вообще не бывает». (Позднее, в феврале 2013 года, Нижегородский областной суд признал отказ городской администрации в согласовании акции незаконным.) Тем не менее люди пришли 15 сентября на площадь Свободы, среди собравшихся было много пожилых людей, начался митинг. Как рассказывается в фильме независимого нижегородского журналиста Станислава Власова «[Боль. Дело 15 сентября 2012](#)», полиция, чтобы заглушить выступающих, включила громкую музыку. После этого кто-то из пришедших на акцию выдернул штекер из колонки, его приняли за провокатора и попытались задержать, в результате чего возникла суматоха, послужившая для полиции поводом начать задерживать людей.

Задерживали крайне жестко, с применением дубинок, причем на видеозаписях хорошо видно, что омоновцы били людей с размаху по рукам и головам. Староверов [утверждает](#), что такого в Нижнем Новгороде не бывало на протяжении примерно пяти лет. Одним из особо усердствовавших был как раз прапорщик Игорь Лебедев, который в итоге оказался потерпевшим в деле Староверова. Одним из первых стали задерживать активиста «Другой России» Александра Зайцева,

у которого в руках был флаг его партии. За него вступился фотографировавший на акции школьный учитель Илья Мясковский. Мясковского в ответ оттащили в сторону и начали задерживать. Лебедев при этом стал наносить Мясковскому удары дубинкой (на видео видно не менее трех ударов дубинкой по руке с замахом). Староверов, в свою очередь, пытался воспрепятствовать этому и, по собственным утверждениям, «обездвижить Лебедева, вис у него на руках, на корпусе, пытался сдвинуть куда-то в сторону». В какой-то момент Староверов обхватил Лебедева за шлем — за шею, как говорится в обвинительном заключении, он омоновца обхватить (и тем самым причинить ему боль) не мог, поскольку шея была закрыта шлемом. Уже после вмешательства Староверова активистка «Другой России» и официальный организатор мероприятия Екатерина Зайцева сорвала с Лебедева шлем, чтобы можно было увидеть лицо человека, применяющего насилие в отношении граждан. На видео отчетливо видно, что после этого Лебедев с размаху ударил Зайцеву дубинкой по голове, после чего она потеряла сознание. Присутствовавший на акции врач Артем Соколов **подтвердил** на суде, что у Зайцевой были симптомы, позволяющие заподозрить закрытую черепно-мозговую травму, ушиб мозга второй степени. При этом вызванная «скорая» отказалась подъехать прямо к тому месту, где лежала Зайцева, и собравшимся пришлось нести ее к машине, причем полиция поначалу не хотела их пропускать. А тогдашний (ныне отстраненный от должности) заместитель начальника полиции по охране общественного порядка ГУ МВД России по Нижегородской области Андрей Шмонин объяснял присутствующим: «Эта девушка является официально организатором, которая подавала заявку, и так как она понимала, что организаторы все равно будут отвечать за проведение публичных мероприятий, наверно, давление поднялось, почувствовала себя плохо». Зайцева

в результате нанесенной травмы пролежала в больнице 12 дней.

Екатерина Зайцева и Илья Мясковский обратились в Комитет против пыток за юридической помощью в связи с примененным в отношении них насилием. (По следам акции 15 сентября в Комитет обращался и задержанный Глеб Калинычев, которого в ходе «профилактической беседы» в отделе полиции ударил по лицу сотрудник Центра по борьбе с экстремизмом Шестеряков.) Была проведена проверка. Одновременно велась проверка по заявлению прапорщика Лебедева о том, что Зайцева сорвала с него шлем. Обеими проверками занимался следователь Сергей Малахов. Как рассказывали участники акции, во время допросов им не всегда удавалось узнать, в рамках какой из проверок их допрашивают. На допросы вызывали сотрудники Центра по борьбе с экстремизмом, которые приезжали к активистам домой поздно вечером и передавали повестки. Малахов, по словам активистов, нередко переиначивал их показания, и им приходилось неоднократно добиваться того, чтобы протоколы были переписаны.

Проверка, касающаяся насилия в отношении участников акции, не закончилась ничем, уголовное дело возбуждено не было. Как рассказала ОВД-Инфо Екатерина Зайцева, представители Комитета против пыток обжаловали в суде прекращение проверки, не так давно проверка была возобновлена уже другим следователем, но она тоже была закрыта, однако Комитет против пыток продолжает работать по этому делу и обжаловать закрытие проверок. А вот дело о применении насилия в отношении Лебедева было возбуждено. Сначала Зайцева и Староверов проходили в качестве свидетелей, затем в качестве подозреваемых. В результате единственным обвиняемым оказался Староверов. При этом Лебедев сначала говорил, что от его действий испытал неудобство и дискомфорт, а про боль вспомнил только в декабре.

Обвинение в деле Староверова строится на видеозаписи, на которой видны хаотичные движения его рук в сторону Лебедева, а также на показаниях самого Лебедева, его сослуживца Борисова, полковника Шмонина и активистки «Молодой гвардии «Единой России» Веры Исмятулиной. Как наглядно **показано** в фильме «Боль», рассказы Лебедева и Борисова о событиях на площади Свободы в некоторых пунктах совпадают слово в слово, в частности, в тех деталях, которые не подтверждаются видеозаписями и показаниями свидетелей защиты. Показания Исмятулиной сходятся с показаниями омоновцев в тех же пунктах. Характерный пример — их описание Мясковского как человека, у которого в руках был флаг (Исмятулина даже уточняет, что это был флаг Левого фронта), в то время как у Мясковского в руках был не флаг, а фотоаппарат.

Исмятулина ранее была замечена на акциях «Другой России» с провокационными плакатами. Кроме того, на суде по делу Староверова она заявила, что больше ни в каких делах в качестве свидетеля не выступает, в то время как на самом деле она в тот же период выступала свидетелем по делу ультраправой группировки «Белая стая», которое, как и дело Староверова, курирует Центр по противодействию экстремизму. На площади Свободы 15 сентября Исмятулину видели вместе с сотрудником Центра Василием Степновым. На суде Исмятулина утверждала, что не знакома с ним, между тем перед заседанием по делу «Белой стаи» Староверов заметил, как она беседует со Степновым.

Но главное — то, что с той точки, где стояла Исмятулина, было невозможно увидеть, что происходило между Староверовым и Лебедевым, поскольку между ней и ними находился памятник героям и мученикам революции 1905 года. Что могла и чего не могла видеть Исмятулина, подробно проанализировано в упомянутом выше фильме «Боль».

В ходе процесса представители и свидетели защиты отмечали явный обвинительный уклон в действиях судьи Андрея Шутова. По словам Станислава Дмитриевского, «в этом процессе прокурор был не нужен, потому что судья сам выполнял функцию обвинителя» и «постоянно, в течение ряда заседаний охотно, со вкусом аргументировал, почему, с его точки зрения, Староверов виновен». «Предвзятость судьи совершенно очевидна, она бросается в глаза любому, кто приходит на процесс. В любом случае после процесса мы будем готовить подборку всех его замечательных высказываний, в том числе для Европейского суда», — говорит правозащитник. Как рассказывает Дмитриевский, во время оглашения результатов экспертизы видеозаписи с площади Свободы судья, узнав, что эксперту видеозапись была передана на флэш-карте, заявил: «А может быть, Староверов там что-то подтер? Сейчас ведь есть такие технические возможности, что можно на компьютере сделать что угодно, и ни одна экспертиза не заметит. Так что я, вернее, мы с вами вместе видели кадр, где Староверов делает захват одной рукой за горло потерпевшего. А в экспертизе этого момента нет». Дмитриевский пытался выяснить у судьи, о какой именно минуте записи он говорит, но тот ответил, что это не важно. При этом добавил, что не предвзят.

Кроме того, судья неоднократно демонстрировал свое отрицательное отношение к участникам протестных акций. Прежде всего, он предъявлял претензии тем, кто вышел на акцию, несмотря на то, что она не была согласована (факт признания отказа в согласовании незаконным его не смущает — ведь это произошло позже), особенно к Екатерине Зайцевой, которая посмела призывать людей на несогласованное мероприятие. При этом попытки свидетелей защиты рассказывать о том, как следователь Малахов искажал их показания, или о деятельности сотрудника Центра «Э» Шестерякова,

судьей пресекались. В целом, отношение судьи вполне выражается в брошенных им фразах вроде «Вот с таких революции и начинаются» (в зале суда) и «Езжайте на Украину к своим бандеровцам» (в коридоре).

Ситуация, когда насилие со стороны полиции оборачивается возбуждением дела о насилии против полицейских, для России нередка. Достаточно вспомнить «Болотное дело» или дело активиста «Другой России» **Сергея Череповского**, приговоренного в Твери к двум годам колонии: он был грубо задержан полицейскими на акции 1 мая, а в итоге был осужден за недоказанное нанесение царапины одному из них. По сравнению с обвиняемыми по «Болотному делу» и Череповским обстоятельства дела для Староверова можно назвать несколько более мягкими (не считая, разумеется, недоказанности вины и нарушений в деле): все время следствия и суда он находился на свободе (опять же не считая многочисленных административных задержаний), и обвинение попросило для него заключения не в колонии общего режима, а в колонии-поселении. Дмитриевский объясняет это несколько более свободной, чем в других регионах России, атмосферой: несмотря на то, что здесь свирепствует Центр по борьбе с экстремизмом, глава которого Алексей Трифонов, по словам правозащитника, считает и его, и Староверова своими личными врагами, есть ощущение возможности бороться за свои права — оспаривать законность запрета проведения акций, административные аресты, побеждать в судах по политическим делам. В частности, в Нижнем Новгороде есть судьи, которым не нравится, по выражению Дмитриевского, «задрав мантии, плясать под милицейский свисток». Так, в июле прошлого года судья Дзержинского районного суда Ольга Хайдукова, ссылаясь, в частности, на международные нормы права, **отказалась** признать экстремистской книгу «Международный трибунал для Чечни», написанную

Станиславом Дмитриевским в соавторстве с Богданом Гварели и Оксаной Чельшевой. (Дело было возбуждено, разумеется, по инициативе областного Центра по борьбе с экстремизмом.) Впрочем, Андрей Шутов, по мнению правозащитника, к таким судьям не относится.

Выступление Станислава Дмитриевского в прениях  
26 марта

### **Дело 15 сентября**

1  5 